

Šimek, Emanuel

Последние Кельты в Моравии : резюме

In: Šimek, Emanuel. *Poslední Keltové na Moravě*. Vyd. 1. Brno: Universita v Brně s podporou Ministerstva školství a kultury, 1958, pp. [505]-519

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/118963>

Access Date: 02. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ПОСЛЕДНИЕ КЕЛЬТЫ В МОРАВИИ

РЕЗЮМЕ

Перевела Д-р. М. Коутна

Вопросом о бывших когда-то взаимоотношениях кельтов, германцев и славян в Средней Европе, в частности на нашей территории, я занимался много лет. Я видел, что односторонние решения, к которым приходили филологи, историки и впоследствии археологи благодаря своим своеобразным толкованиям признаваемых ими источников, не могут нам дать правильного представления. При этом филологи и историки очень часто не знали, и поэтому недооценивали значение археологических находок как исторических источников, и археологи не знали или недооценивали настоящее значение письменных исторических источников. Поэтому я старался искать правильное решение собственным путем, критически оценить все, что нам об этом могут сообщить как письменные исторические источники, так — сегодня уже неисчислимы — археологические памятники.

Изучение археологических находок привело меня уже в 1913 г. к убеждению, что точка зрения славянского автохтонства, общепринятая тогда в нашей специальной литературе, не может быть правильной. Сторонники этой теории защищали положение, что археологические находки доказывают непрерывность процесса культурного развития исконного населения наших земель начиная с эпохи древней бронзы по исторический славянский период городищ позднего средневековья, и пришли к заключению, что это были славяне, которые в течение всех этих веков населяли наши земли. Я выступил против этого взгляда в книге „Чехия и Моравия в римское время“, так и в последующих работах, где показал, что между эпохой заселения наших земель людьми т. наз. лужицко-силезийских полей погребений и историческим славянским заселением был промежуток в несколько столетий, заполненный совершенно инородным кельтским и германским населением; я доказал при помощи находок, что на развитие т. наз. добрижховской культуры римского времени в Чехии оказала основное влияние кельтская культура (латенская культура чешских волков-тектосагов), а не культура людей полей погребений, что эта добрижховская культура в обоих своих этапах (пичгорском и тржебицком) была создана полабскими германцами, а именно гермундурами, а не маркоманнами, как предполагали германские археологи, и впоследствии, особенно в последние десятилетия, также некоторые чешские исследователи; что германские маркоманны и квады по ясным свидетельствам античных авторов сидели в Австрии и Словакии на Дунае и что в Моравии в первые столетия н. э. сидели кельтские котины, последний остаток герцинских волков-тектосагов.

Это последнее положение является предметом моей работы. Временная рамка определена в общем с одной стороны началом позднелатенского времени и с другой стороны исчезновением следов кельтской жизни в Моравии в 4. в. н. э. Таким образом она охватывает приблизительно половину тысячелетия.

Результаты, к которым я дошел, я сжато излагаю в следующем обзоре рассуждений:

Фундаментальной ошибкой в историографии Чехии и Моравии было механическое перенесение уравнения $\text{Бойогемум} = \text{Бемен} = \text{Чехия}$ в прошлое на рубеж летосчисления и в последующие столетия. Эта ошибка, которой страдали все исторические изложения о прошлом наших земель начиная с ренессанса, почти также роковая, как ошибка, которую бы совершил тот, кто бы отождествлял позднеисторическую Саксонию (Саксонское королевство на севере от чешской границы) с Саксонией времен Карла Великого. Для объяснения истории наших земель это была ошибка действительно трагическая. Она совершенно искавила картину заселе-

ния краев на север от Дуная в области (приблизительно) между Регенсбургом и Вацовом включая наши земли.

В историографии наших земель вторую роковую ошибку совершил лингвист Карл Мюллергофф, который совместно с Г. Цейссом является также основоположником науки о германских древностях. Мюллергофф отошел от своей правильной точки зрения в вопросе локализации кельтских котинов и усвоил случайное высказывание неспециалиста по историческим и этнологическим вопросам Эд. Сюсса, который на его вопрос как геолог ответил, что для помешения котинов, которые по свидетельству Тацита „копают железо“, наиболее вероятными являются Словацкие Крушные горы, как наиболее богатые железной рудой в дунайской области.

Мюллергоффу как лингвисту, не испытывавшему сомнений образованного историка-критика, соображение геолога Сюсса понравилось. Его прежняя точка зрения, что котины были в Моравии, ставила его в затруднительное положение в вопросе о моравской локализации квадов. Таким образом, не взирая на исторические свидетельства античных авторов и ссылаясь на мнение Сюсса, он поместил котинов в словацкое Крушногорье. В историографии его высказыванием судьба котинов была решена. Главным образом потому, что после устранения этого препятствия квадов можно было поместить в Моравию, маркоманнов в Чехию, и таким образом в период все увеличивающихся великонемецких притязаний на наши земли воздвигнуть и подпереть краеугольный камень великонемецких претензий.

Третью роковую ошибку совершил моравский архивариус Б. Бретгольц. Будучи убежденный велико немец (хотя с примесью еврейской крови), он старался устранить препятствия, стоящие на пути великонемецким притязаниям, и поэтому заявил, вероятно против своего действительного убеждения образованного историка-критика, что потомки древних маркоманнов и квадов жили в обеих наших землях и в течение ряда последующих столетий вплоть до времени позднесредневековой колонизации в 12 и 13 вв., когда в истории о них не упоминается, так как нет ни одного исторического известия о том, что маркоманны и квады ушли из Чехии и Моравии! Это значит, что они здесь продолжали жить и дождались немецкой колонизации! Это является доказательством, что обе земли действительно германские земли, в которые чехи втерлись как бесправный, неполноценный элемент...

Это с точки зрения исторической критики совершенно невозможное и не имеющее никакой цены объяснение Бретгольца было принято *ex silentio* сторонниками немецких и позднее гитлеровских притязаний с энтузиазмом и без каких бы то ни было оговорок, так как цель оправдывает средства. Но оно было трагично прежде всего для своего автора. Искажение истории в угоду своим господам ему не помогло. Капли еврейской крови было достаточно, чтобы он трагически погиб во время гитлеровской оккупации...

Историческая действительность была, конечно, совершенно иная чем та, какой она представлялась на основании этих трех основных и в новое время сознательно тенденциозных ошибок.

Основанием для ее правильного решения является правильная локализация Бойогемума, в котором сидел Маробуд со своими маркоманнами.

Где же надо искать Бойогемум = родину бойев, о которых рассказывают античные авторы? Красугольным камнем для решения этого вопроса являются прежде всего известия Страбона, Веллея, Тацита и Птолемея. Все эти известия свидетельствуют о том, что южным рубежом Бойогемума было течение Дуная.

Страбон ясно засвидетельствовал, что селения бойев были соседними с селениями винделиков. О них мы точно знаем, что их северным рубежом было течение Дуная. Из этого явствует, что селения бойев были на другой северной стороне Дуная.

Веллей Патеркул свидетельствует, что селения маркоманнов Маробуда в Бойогемуме соседят с Нориком и Паннонией, из чего также ясно вытекает, что рубежом должен был быть Дунай.

Оба эти свидетельства современников Маробуда из эпохи около начала н. э. подтверждает Тацит в конце 1 стол. н. э. Он в своей Германии, гл. 41 и 42 ясно говорит, что на Дунае сидят свевские племена: гермундуры (придунайские), рядом с ними паристы и за ними маркоманны и квады, и все они образуют фронт против

римской империи. О маркоманнах свидетельствует Тацит, что их селения находятся на территории бойев (гл. 28), которую они завоевали благодаря своей храбрости.

В первой половине 2 столетия н. э. Птолемей ясно свидетельствует о том, что южным рубежом Бойогемума, когда-то родины бойев, было течение Дуная, во-первых своими показаниями о баимах (II. 11. 11), что их селения доходили до Дуная, во-вторых, что при впадении Инна в Дунай находится бойский город Бойодурум (II. 12. 5 в изд. Кунта). О северных границах маркоманских селений свидетельствует Птолемей (II. 11. 11), что они находятся на юг от леса Габрета (= южной Шумава и Новоградских гор).

Течение Дуная осталось южным рубежом вплоть до позднего средневековья, когда мы узнаем из известий о походе войск Карла Великого против аваров в 791 г., что один фланг этого войска шел вдоль северного берега Дуная „per Bschaimos“ по территории славян, поселившихся в древнем Бойогемуме. Позднее, когда вследствие баварской колонизации, германизации и отхода славян в южную Чехию славянское население в северном Подунавье (нынешней сев. Австрии) уменьшилось, продвинулась с течением времени также южная граница Бойогемума к южночешским пограничным горам. Северная граница Бойогемума, которая первоначально, согласно данным Птолемея о баимах (= жителях Бойогемума, II. 11. 10) проходила по средней части Чехии, позднее после занятия державы Славникоичей а с ними и всей южной Чехии (нынешней) династией герцогов Пржемысловичей продвинулась на северночешские горы, на северный рубеж нового пржемысловского государства. Так возникает „Бойогемум“ позднего исторического времени, границы которого с той поры до настоящего времени тождественны с границами нынешней Чехии.

Таким образом уравнение Бойогемум = Бемен = Чехия относится только к позднему средневековью. Переносить его в прошлое и даже на рубеж летоисчислений совершенно неправильно и обозначает грубое — сознательное или бессознательное — искажение истории и вместе с тем и этнографической картины времени на рубеже летоисчислений и последующих столетий всего первого тысячелетия н. э.

С археологической точки зрения, согласно нашим нынешним познаниям из исторических выше приведенных данных о поселениях бойев, вытекает единственное возможное заключение, что эти герцинские бойи были люди южночешских и баварских могильников, территория которых занимала именно область от берегов Дуная и территории винделиков вплоть до средней Чехии. Итак эти бойи принадлежали к большой группе средневропейских кельтов, хоронивших своих мертвых в могильниках. Насколько нам известно, по ту сторону Дуная к этой группе принадлежали также их соседи винделики и далее на восток норрики (тауриски).

Если могильники в северовосточной Баварии и в южной и югозападной Чехии принадлежали бойам, то они не могли быть в то же самое время людьми северочешских латенских могил с костяками с совершенно иным оформлением и ритуалом погребения. Это обстоятельство также доказывает, что древний Бойогемум нельзя отождествлять с теперешней территорией Чехии, но что эта территория была отчасти иная, занимая только южную и югозападную часть, но зато к ней принадлежала еще значительно большая область за пределами и нынешней Чехии. Современная ей область латенских могил с костяками не занимает только среднюю и северную Чехию, с которой имя бойев обыкновенно связывалось, но она простиралась на длинной территории от Тюрингии через северную половину Чехии, верховья Одры, нынешнюю Моравию вплоть до Словакии. Это также ясное и красноречивое доказательство, что могилы с костяками на этой территории не могли быть бойские, и что бойи не могли прочно осесть ни в средней, ни в северной Чехии.

Кельтское население, которое нам оставило могильники с костяками в северной половине Чехии, в Моравии и в соседних областях на западе, севере и востоке, не были бойи, но герцинские волки-тектосаги.

Согласно археологическим памятникам, найденным в могилах с костяками, эти кельты пришли в Среднюю Европу когда-то в течение IV в. до н. э. и стали для исторических судеб всей Средней Европы, в частности ее более северной части, фактором очень важным, более важным, чем южнее (ю.-з.) оседлые бойи. До сих пор их историческая роль не была достаточно понята и оценена ни мировой, ни нашей литературой,

приписывавшей на нашей территории главное значение боям. Она засвидетельствована разнообразными источниками.

Это прежде всего свидетельство Г. Юлия Цезаря (БГ. VI. 24), который в доказательство своего утверждения, что галлы были в древние времена очень смелы и даже сами нападали на своих воинственных германских соседей (что во время Цезаря и Ариовиста считалось чем-то совершенно невозможным и нелепым), называет волков-текосагов, которые когда-то отправились в поход из восточной Галлии в область Герцинского леса, завоевали и заняли там самые плодородные края и удержались там до времени, когда Цезарь писал свой доклад о них.

Вторым красноречивым доказательством того, какое значение приобрели воинственные волки после занятия новых поселений в воображении всех соседних — также воинственных — германцев, является обстоятельство, что они стали представителями всего кельтского мира и что их имя волк (Volc) — Valh — Valch — Valach (не имя бойев), стало синонимом для кельтов вообще. Это по моему мнению является решающим доказательством, что люди длинной полосы могил с костяками, занимавшей пространство от Тюрингии по Словакию, не могли быть бойи, но что это были именно эти волки, имя которых стало для германцев синонимом для кельтов вообще.

С этим решением вопроса этнической принадлежности кельтских могил с костяками в нашей области прямо удивительно совпадает и содержание этих могил, в которых встречаются два вида находок, характерных для корыстолюбивых бойцов: в могилах мужчин (которых гораздо меньше, так как мужчины бойцы погибли во время военных походов вдали от своего жилища) встречаются прежде всего оружие, длинные галльские мечи и копья, в могилах женщин — гораздо более многочисленных — множество драгоценностей свидетельствует о любви к помпезной роскоши и доказывает, что мужья этих жен завоевывали на своих походах богатую добычу.

Красноречивым доказательством для взгляда, что люди латенских могил с костяками в наших землях были тождественны с волками Цезаря, является также необыкновенно сильное влияние этих людей на материальную культуру германцев на Эльбе и Одре на север от наших земель. Это влияние было так велико и продолжительно что его можно проследить и позднее в позднелегальское время, когда уже полабские германцы перешли от прежней оборонительной тактики к наступательной против кельтских волков в северной Чехии, где нам эти германцы оставили памятники т. наз. подмокельской (кобыльской) культуры, и даже еще в раннее римское время, когда эти германцы уже совершенно овладели территориями, принадлежавшей чешским волкам. Доказательством этого является прежде всего германская керамика в могилах на Пичгоре у Добржихова, у Тржебушиц и на др. местах.

Люди, похороненные в этих германских могилах римского времени, не были маркоманны, как очень часто до сих пор предполагается (как в специальной немецкой литературе, консервативно перенявшей старшую точку зрения, приписывавшего эти области бойам и после них маркоманам, так и в литературе нашей, даже и в школьных учебниках), но полабские гермунды, которые в этой области образовали в первой половине 1. стол. н. э. по обеим сторонам севернечешских гор сильное государство под предводительством Вибиллия. Это государство стабилизировало на несколько десятилетий отношения в северной Чехии и примыкавших к ней областях Саксонии и Тюрингии, и способствовало к высокому расцвету германской культуры в этих областях.

Что касается вопроса, где были поселения маркоманнов и квадов после их прихода из областей на Рейне в наши земли, то ответ был дан уже выше в изложении о правильной локализации Бойогемума, колыбели герцинских бойев, в которой от времени Маробуда сидели маркоманны. Согласно приведенным свидетельствам современных античных писателей Страбона, Веллея Патеркула, Тацита и Птолемея селения маркоманнов были в нынешнем австрийском Подунавье между северным берегом Дуная и Птолемеевым лесом Габрета = южной частью Шумавы и примыкавших к ней гор. Далее на восток в словацком Подунавье были поселения квадов.

Участь волков, осевших в Моравии, складывалась иначе, чем участь их соплеменников в северной Чехии. Также у них, как и у чешских волков в позднелегальское время можно заметить отклонение от прежнего военного образа жизни к более спокойным формам занятий. Они посвятили себя промышленному и ре-

месленному производству, торговле и, согласно свидетельству Тацита (Г, 43), добывали железную руду, чтобы приобрести нужное сырье для своих изделий. То, что они были рудокопы, было вероятно причиной, что в античной литературе они получили название котинны (из нариц. *сctini* = рудокопы, ср. наименование *китинаи* для кельтских рудников у Страбона, III. 2. 3—142).

Критический анализ всех античных известий о котинах доказывает правильность локализации этого кельтского племени в Моравии. К тому же заключению дошли Маннерт, Цейсс (который их справедливо считал остатком моравских волюгов) и позднее Мюлленгофф (вплоть до времени, когда он принял выше упомянутый взгляд Сюсса), К. Мюллер, Пич, Дворжак, Ржежабек, Нидерле, Зиха, Кауффманн, Бретгольц, Гнирс, Шютте и др. Это подтверждают как известия Тацита (Г. 43) — что котины сидят на восток от (южночешских) парсинов в тылу маркоманнов и квадов (т. е. на север от них), так Птолемея в локализации котиннов на юг от буров (II. 11. 10). С локализацией в Моравии совпадает также известие Кассия Диона (LXXI. 12. 3) о плане Марка Аврелия во время т. наз. маркоманнских войн, согласно которому наступление на маркоманнов в 172 или в 174 г. должно было быть предпринято с двух сторон, с юга римлянами и с севера котинами, бурами и др.

Правильность этой локализации засвидетельствована также необыкновенно высоким числом кельтских поселений вдоль обоих главных торговых путей, проходивших через Моравию от Дуная на север: на пути из Виндобоны (Вены) упоминает Птолемей кроме римской Феликии Мелиодунум и Стравитун (II. 11. 14, 15), на т. наз. янтарном пути из Карпунтума к устью Вислы Эбуродунум, Карродунум и Сетовию.

Наконец с локализацией котиннов в нынешней Моравии вполне совпадает также состояние наших археологических познаний, которые доказывают непрерывность процесса развития кельтской культуры в Моравии с среднелатенского времени до конца позднелатенского времени. Эта культура существовала в Моравии, согласно сохранившимся памятникам в кельтских поселениях и в германских могилах и поселениях, не только до конца второй половины II стол. н. э., до т. наз. маркоманнских войн, когда по выше приведенному сообщению Диона котины были истреблены, но даже еще — приблизительно — на два столетия дольше до IV века, когда исчезают последние признаки жизни моравских кельтов.

На древнюю кельтскую территорию в Моравии с течением времени начали проникать германцы и славяне как инородные этнические элементы. Кажется, проникновение этих элементов в Моравию было в общем спокойным без внезапных нашествий и сильных потрясений, которым было подвержено кельтское население северной Чехии.

Германцы проникали в кельтскую Моравию отчасти с юга из маркоманнской и квадской области, отчасти — особенно позднее с III стол. н. э. — из более северных областей, прежде всего из краев между Эльбой и Одрой. Доказательством этого является большой германский могильник у Костелеца на Гане III—IV в. н. э., далее на юг могильник у Шаратиц и т. под.

В первые времена германцы проникали на кельтскую территорию только маленькими группами и жили также в кельтских поселениях или в качестве свободных или полусвободных земледельцев и рабочих, или в качестве рабов, купленных кельтами на торговых путешествиях в Германию от их собственных соплеменников, которые, согласно сообщению Тацита (Г. 24), охотно избавлялись от своих домашних рабов, приобретенных игрой в кости, продавая их. Несмотря на неудовлетворительное состояние исследований в древних кельтских поселениях, это существование обеих этнических групп засвидетельствовано прежде всего частыми находками германской и кельтской керамики в тех же поселениях, причем германская рукодельная керамика, подражавшая кельтской керамике, доказывает, что происхождение обеих керамик датируется тем же периодом и что, следовательно, ее производители жили рядом в одно и то же время.

На этот факт — очень важный прежде всего для хронологии позднелатенских поселений — до сих пор никто не обращал надлежащего внимания и не оценил его, как следует.

С III века растёт как число германских жителей в старых кельтских поселениях, так и число новых чисто германских поселений. С течением времени первоначальное германское меньшинство превратилось в большинство. Также смешанные браки кельтов с германскими женами способствовали количественному росту германского населения, потому что дети германских матерей говорили и чувствовали по германски, и таким образом исконное кельтское население уменьшалось, пока по истечении приблизительно двух столетий последние его представители — поскольку они там еще оставались — не растворились в море чужих пришлецов и были ими ассимилированы.

Когда славяне начали проникать на кельтскую территорию в Моравии, до сих пор археологически не засвидетельствовано. Но мы имеем важные исторические данные, которые засвидетельствовали их провинкование хотя лишь косвенно, но таким образом, что в нем нельзя сомневаться, и которые его определяют также хронологически. Это во-первых сообщения Клавдия Птолемея первой половины II стол. н. э. (II. 11. 13 и 14) о поселениях Калиса (нынешний Калши) и Асанка (из слав. Ясанка где-то в Низком Есенике), которые свидетельствуют, что уже тогда существовали славянские поселения вдоль т. наз. янтарного пути из Карнунта к устью Вислы. Во-вторых это сообщение Плиния второй половины I стол. н. э. (НИ. III. 146, ср. также у Аврелия Виктора De caesaribus 40,) об озере с славянским именем Плесо в Паннонии (в рукописи искажено в Писо или Пелсо, нынешнее Блатенское озеро), которое доказывает, что уже в это раннее время славяне приходили с верховьев Одры и Повислянь на юг к Дунаю и за Дунай и сидели уже в Паннонии. Так как это не было массовое передвижение в далекие земли, но медленное и постепенное просачивание, то очевидно, что часть этих славянских людей оставалась также в краях, через которые проходила, т. е. в восточной Моравии на территории на юг от Моравских ворот и на территории западной Словакии.

В связи с этим является очень важным то обстоятельство, что именно в областях северо-восточной Моравии между Моравскими воротами и средним течением реки Влары вдоль древнего „янтарного“ пути на территории, на которой Птолемей поместил три из своих пяти моравских кельтских городов (*полес* Эбуродунум, Карродунум, Сетовия), сохранилось имя волков до нашего времени в форме валах. Во вторую половину прошлого века это имя считалось доказательством, что наши моравские валахи переселились в позднем средневековье из Румынии. Сегодня, благодаря Б. Кранджалову мы знаем, что это объяснение недостаточно обосновано с лингвистической точки зрения. Кранджалов установил, что общий словарный фонд не подтверждает, чтобы моравские и румынские валахи были люди одинакового происхождения и что этот общий словарный фонд больше чем ничтожен: лишь 26 слов, относящихся к пастбе скота и употребляемых вообще пастухами в Карпатах, которые могли быть заимствованы моравскими славянами и валахами также из славянской среды западной Украины.

Ввиду того, что археологические находки доказывают, что последние волки жили в Моравии еще в 4 веке н. э. и что на основании выше приведенных исторических известий мы можем правомерно заключить, что через восточную Моравию уже с I столетия н. э. проходили этнические славянские группы по направлению к Дунаю и за Дунай (в Паннонии в окрестностях Блатенского озера уже около половины I столетия н. э. их сидело столько, что славянское нарицательное имя озера плесо считалось Плинием или его осведомителем собственным именем этого озера), и что славяне, которые по той или другой причине — в качестве наемных рабочих, пастухов или рабов, купленных моравскими кельтами — оставались на территории Моравии и образовали уже тогда этническое меньшинство на этой территории, мы справедливо можем заключить, что уже это исконное славянское меньшинство, жившее среди кельтских вольв-валахов (Volc—Volch—Valch—Valach) заимствовало это название у кельтского большинства. Подобным образом перешло также название венедов на славянских поселенцев в Повислянье, название варнов на славянских поселенцев в области на восток от низовьев Эльбы, название руйанцев на славянских поселенцев на острове ругиев — Ругиана — Руйана, название свевов на германских поселенцев на территории древних свевов — людей полей погребений между Эльбой и Одрой и т. д. Во всех этих случаях новое население заимствовало название древних жителей на данной территории уже во

времена, когда оно было на этой территории лишь этническим меньшинством. Постепенный прилив дальнейших поселенцев превратил первоначальное меньшинство в большинство. Старое население или покидало свои земли или сливалось с пришлецами, ассимилировалось ими, но его имя оставили за собой пришлецы.

По моему мнению то же самое произошло с валахами в восточной Моравии. Уже первые славянские поселенцы заимствовали название людей, среди которых поселялись. С течением времени их было все больше, но наименование древнего населения удержалось и тогда, когда новых поселенцев было больше, чем старого населения. В конце концов новые люди поглотили старое население и ассимилировали его. Потом, конечно, новое население говорило по славянски, но оставило за собой имя старого населения. Кроме имени в а л а х они имеют и известный процент кельтской крови, которая до настоящего времени течет в их жилах и которая определяет их физический и духовный специфически валашский облик. Прежде всего общеизвестная раздражительность и вспыльчивость характера наших валахов является их старой кельтской наследственной чертой.

Что касается румынских валахов возникновение их имени можно объяснить подобным образом и из того же источника. По моему мнению они заимствовали его у кельтских волков, оседлых в соседней западной Словакии, или были названы по их имени собственными соплеменниками в то время, когда их предки дакийцы сидели также в Словакии. Когда они были вытеснены из Словакии сарматскими языгами (П л и н и й, НИ. IV. 80) и германскими квадами, они ушли в свои новые поселения в нынешней Румынии.

Утверждение, что кельты в Средней Европе на север от Дуная не исчезли уже на рубеже летосчислений, как до сих пор это было принято думать, но что они продолжали жить (за исключением западной Словакии) прежде всего в Моравии приблизительно вплоть до 4 века н. э., находится в полном противоречии с общепринятой археологической традицией о преемственности латенской и римской культуры и с убеждением, что рубежом между ними был приблизительно год 0, когда кончился кельтский период в наших землях и началась германская эра с маркоманнской оккупацией Чехии и квадской оккупацией Моравии. Как я показал выше, историческое развитие было в действительности совершенно другим и гораздо более сложным. К сожалению, его точное описание, сопровождаемое доказательствами, очень затруднительно, так как все археологические исследования страдали необоснованной традицией о значении года 0, но несмотря на это, уже в настоящее время можно привести множество доказательств, свидетельствующих так же как и античные авторы, что кельты продолжали жить в Моравии.

Это прежде всего ряд уже известных, кельтских, кельто-германских и чисто германских селищ и германских погребений, которые нам дали значительно большее число вещественных доказательств. Число их еще возрастет, когда будет предпринято систематическое исследование этого громадного количества неукрепленных селищ, рассеянных по всей Моравии и особенно многочисленных в ее средней и южной части.

Время около рубежа средние и позднелатенской эпохи было важным рубежом в жизни наших кельтов. Вследствие того, что они потеряли большую часть своей военной знати на военных и грабительских походах, начала исчезать также их былая безбоязненная агрессивность и экспансивная сила, эта *virtus*, которую Цезарь как представитель Рима так высоко ценил. Этот процесс поддерживался также тем, что большая часть знати и остальных свободных кельтов пошла иными путями, посвятивши себя промышленности и торговле, как более надежным и менее опасным источникам богатства и благосостояния. Чтобы обеспечить себе и то и другое, моравские кельты также как и кельты в Чехии, Галлии начали строить укрепленные города, *oppida*, за стенами которых было в безопасности их имущество, приобретенное работой и торговлей; эти стены гарантировали и спокойствие, необходимое для этой работы.

Для достижения этой цели, они основали города в местах, защищенных самой природой, вблизи сырьевой базы и подальше от торговых путей, для которых выбирались удобопроходимые и насколько возможно открытые местности, где не угрожала опасность от разбойничьих шаек.

Доказательством этого является прежде всего основное моравское oppidum Старе Градиско над Оклуки (вблизи нынешнего поселка Мале Градиско, уезд Простейов) в северной части Драганской возвышенности.

Городище занимало площадь около 37 га. Город был построен по обеим сторонам главного пути, образовавшего главную ось с запада на восток. Согласно исследованиям И. Бема постройка города внутри укреплений не совершалась по какому-то заранее выработанному единому плану, но каждый из жителей строил, как ему было удобнее. На одном месте жилища теснились друг к другу, на другом месте были отделены свободными пространствами, а иногда даже заборами, так что производили впечатление скорее земледельческих дворов, чем городских жилищ. Ремесленный ряд находился вероятно в предградии. Вдоль укреплений была оставлена свободная полоса земли для быстрого передвижения защитников города.

В периметре городища имеет почти 2400 м. Его укрепления не были полностью построены. Валу сооружались постепенно в нескольких этапах прежде всего на самых уязвимых местах, где их еще добавочно укрепляли. Над крутыми склонами на южной и восточной стороне города пока не были обнаружены следы настоящего укрепления, только два или три уступа над собой шесть метров в ширину, на которых позднее могли быть построены укрепления. Но это уже не осуществилось.

Городище снабжалось питьевой водой из двух ключей, которые были внутри городских укреплений. Когда воды было мало, как питьевая, так и необходимая для хозяйственных нужд вода запасалась наполнением кадок после дождя, или привозилась из двух ручьев, которые текли вдоль северного, восточного и южного склонов городища. В Старом Градиско до сих пор не были обнаружены цистерны.

Судя по находкам в области городища, здесь процветала промышленность и ремесленное производство всех видов от очень развитого гончарного дела через обработку металлов вплоть до производства тончайших металлических украшений, литья стекла и производства браслетов, колец и т. под. из разноцветного стеклянного сплава, эмалировки, чеканки золотой и серебряной монеты и т. д.

Многочисленные находки металлических ключей в кельтских жилищах доказывают, что уже тогда защищали частную собственность от алчных рук других людей, запирая жилища на ключ.

Запустение городища произошло приблизительно в 1 веке н. э. До окончания систематического исследования всего городища более точная датировка невозможна. В отличие от кельтского городища недалеко от чешских Страдонин, которое было, повидимому, взято германцами (гермундурами), процесс распада города Старе Градиско был спокойнее. Вероятно из опасения перед набегами северных германцев его жители сами постепенно уходили дальше на юг, в некоторое городище внутри страны (Чернов у Рупрехтова-Рашиц, Обржаны у Брна и т. под.).

Из других моравских городищ, судя по постройке укреплений и расположению позднелетельских находок на всей площади собственно поселка, характер городища имеет только городище Чернов у Рупрехтова-Рашиц (уезд Вышков).

Этот укрепленный населенный пункт был основан также в сравнительно защищенной местности, вдали от главных торговых путей в южной части Драганской возвышенности приблизительно в 22 км на юг (ю.-з.) от города Старе Градиско. Снова вблизи залежей железной руды как сырьевой базы. Поселок был построен на мысе лесистого массива, называемого в просторечии Черновы. План укрепленного поселка имеет форму неправильного треугольника. От площадки городища лучами в югозападном, южном и юговосточном направлении расходятся несколько лесных хребтов в долину ручья Раковца и его притока. Два узких предградия, сильно укрепленных двойными каменными валами и рвами защищали городище с севера.

Вся площадь этого городища невелика. С обоими предградиями она занимала приблизительно 4 га (точное число нельзя привести, так как площадь второго — наружного — предградия по сторонам открыта и его наружное укрепление не было соединено поперечными укреплениями с укреплением собственно городища).

В более позднее время (?) была сделана попытка присоединить к этому малому городищу как третье предградие к югу обращенную площадь на склоне над городищем, также укрепленную валами и рвами. Эта постройка не была докончена по неизвестным нам причинам.

Для снабжения городища питьевой водой служил источник в овраге, прорытом стоком воды на западе непосредственно под укреплениями городища. Жители сравни-

тельно легко спускались по нескольким тропинкам в долину к руслу ручья Раковаца.

Систематическое исследование этого городища специалистами пока не было предпринято. Исследование местности, сопровождаемое с мелким поверхностным зондированием, предпринятое мною с группой преисториков университета Брно в 1950—1952 гг., дало большое число позднекельтских черепков, найденных на всей площади укрепленного поселка как доказательство, что здесь дело идет о действительно кельтском поселении. Об этом свидетельствует также остаток лицевого стены, который я открыл в развалинах внутреннего укрепления.

Наряду с черепками позднекельтского времени при помощи зондирования мы приобрели также несколько рукодельных германских черепков позднегерманского времени, свидетельствующих о том, что известное — повидимому небольшое — число германцев, осевших главным образом в югозападной части городища, жило здесь в каком-то симбиозе с кельтами. Некоторые образцы этой поздней германской керамики, подражавшей в формах и украшениях изделиям кельтских гончаров, одновременно свидетельствует о том, что кельтское население жило в городище по крайней мере в 3 веке н. э.

Зондирование на площади городища также показало, что производство кельтской посуды, украшенной на шейке круглыми ребрышками и орнаментом, производимым палочками в форме оборотного с (sss, sss) или гребешком в форме косых точек, косых черточек и т. под., рядами кружков между горизонтальными желобками и т. под., продолжалось в Моравии и в позднекельтский период.

Остатки железного шлака вместе с множеством на гончарном кругу сделанных позднекельтских черепков свидетельствует о том, что в городище процветало главным образом гончарное и кузнечное дело. Обстоятельство, что зондирование дало прежде всего мелкие черепки за исключением нескольких мелочей, свидетельствует одновременно о том, что запустение городища не произошло внезапно от нападения или другой катастрофы, но медленно вследствие ухода исконного населения, унесшего и увезшего с собой все свое имущество...

Кроме обоих городищ, построенных кельтами, позднекельтское население поселилось в ряде более древних моравских городищ, происходивших из времен людей полей погребений. К более многочисленным селищам этого рода принадлежали прежде всего селища Котоуч у Штрамберка (древняя Сетовия), Гостын (древнее Карродунум?) и Градиско у Обржан на окраине нынешнего города Брно (Мелюдунум?). Мало признаков позднекельтского населения было обнаружено в городищах Скרבне (между городами Оломоуц и Литовель), в Старых Замках у Лишне (недалеко от г. Брно) и на др. местах. До сих пор не установлено, были ли вновь построены древние укрепления некоторого из этих городищ во время кельтского заселения и до какой степени.

В городищах Клаштьов у Высокого Поле на Валашску и Хохол у Охоза (на север от Старых Замков у Лишне), которые раньше считались кельтскими, также до сих пор не были обнаружены признаки кельтского заселения.

Наряду с укрепленными городищами и селищами до сих пор было установлено множество позднекельтских неукрепленных селищ на основании находок на поверхности (ср. стр. 69—185).

О быте наших кельтов у нас нет исторических данных и археологические исследования этого вопроса не продвинулись так далеко, чтобы было возможно на их основании сделать себе о нем ясное представление. Можно лишь в общем сказать, что наши кельты строили свои жилища аналогичным образом как кельты в Подунавье и на Рейне. Как правило их дома имели четырехугольную прямоугольную или почти прямоугольную форму в два или больше помещений. Кроме четырехугольных жилищ для хозяйственных и других целей они пользовались также круглыми или овальными в плане хатами, углубленными в землю.

В Старом Градиске, где до сих пор работали преимущественно специалисты и результаты исследований были опубликованы по крайней мере в общих чертах, И. Бем установил два типа построек. К первому принадлежат маленькие хаты размером 2 на 3 м, 3 на 5 м и т. под., углубленные в землю наиболее на 1 м. Хаты были покрыты простой двускатной крышей, опиравшейся прямо о землю или о несколько кольев, между которыми была простая стена. Иногда основы глинобитных

стен были из столбов толщиной в 60 см. У некоторых хат была установлена односкатная крыша, склоненная с одной стороны к земле.

Второй тип жилищ был наземный. Постройки этого рода были большие размером 7 на 15 и больше. Они строились на столбах как в галльском городище Бибракте (Mont Beuvray). Столбы помещались то на внутренней, то на наружной стороне стены. У некоторых построек стены между столбами были выложены из деревянных плах, как это до сих пор встречается у некоторых народных построек. Некоторые здания имели продолговатые двухскатные крыши, подпертые еще вдоль стен, у других были односкатные крыши, опорные брусья которых были углублены в землю и для устойчивости на них лежала перекладина, крыши отчасти шатровидной конструкции и т. п.

Для хат на склоне откапывали грунт, приготовляли площадку, защищенную от затопления дождевой водой канавами, прорытыми на склоне над ними. Каменные поклы стен до сих пор не были обнаружены в Старом Градиске.

Хаты овального плана открыли в Старом Градиске преимущественно старшие исследователи Липка и Снетина. Оба эти археолога установили, что при постройке хаты грунт откапывался вплоть до скалы, на которой из глины сделан тщательно сглаженный ровный пол. План одной из хат был квадратный, со стенами около 4 м в длину, другая яма имела форму продолговатого эллипсиса, все остальные были в плане круглыми с диаметром до 4 м.

И. Бем при своих исследованиях в Старом Градиске установил, что при постройках жилищ и укреплений пользовались какой-то основной единицей меры длины (локтем) величиной около 60 см или ее кратного. Колеса телег в городище, судя по разьеженным колесам, имели ширину расстояния около 120 см. Было бы интересно определить, в каком пропорциональном отношении была эта единица меры длины к основной кельтской единице меры длины, названной леуга, которая в интересующее нас время, судя по историческим известиям, была равна 1500 римских (двойных) шагов, т. е. приблизительно нашим 2100 — 2250 м. Настоящая длина леуги по всей вероятности колебалась уже тогда в разных областях подобно как и сегодня (нынешняя испанская леуга имеет 5572 м, аргентинская 5 км, французская почтовая lieue 4 км и т. д.).

Находки в укрепленных и неукрепленных селищах дают нам красноречивое, хотя и не исчерпывающее свидетельство о жизни и прежде всего о занятиях наших кельтов. Они показывают, что моравские волки в интересующее нас время перестали жить как наездники грабители и стали преимущественно профессиональными ремесленниками и торговцами. Кроме того они занимались также земледелием, как это доказывают находки сельскохозяйственных орудий в Старом Градиске, Гостыне и др. местах. Из промышленных отраслей к небывалому расцвету приведена обработка железа и металлов вообще. Практические формы снарядов и орудий, обработанных кельтами, сохранились до настоящего времени (ножи, топоры, пастушеские ножницы и т. п.).

Для производства железа необходимое сырье давали многочисленные залежи металлов в средней, северной, западной и южной частях земли.

Наряду с разнообразной обработкой металла наши кельты занимались стекольным производством, эмалировкой, гончарным делом (производство глиняной посуды на быстро вращающемся гончарном круге и ее обжиг ремесленным способом в закрытых печах с высоким жаром), плотничеством, столярничеством, производством орудий и украшений из кости и т. п.

На основании находок у некоторых промышленных отраслей, напр. придания и тканья материй, шитья одежды, производства обуви и т. п., пока нельзя сказать, занимались ли они ими домашним способом, как напр. германцы, или уже также ремесленным способом. Помол муки и печение хлеба производили домашним способом, судя по находкам многочисленных ротационных (двойных) мельниц. В Старом Градиске И. Бем нашел также особую мельницу в предградии, где помол хлеба производился вероятно уже также ремесленным способом.

Наряду с ремеслом и земледелием кельты занимались торговлей. Они торговали не только своими изделиями, но они занимались также перепродажей сырья и чужих изделий. Одним из важнейших предметов этой торговли, судя по обилию находок, был самбийский сырой янтар, фосфорная смола, доставляемая из Прибалтики от устья Вислы и очень ценная в это время в Италии и во всех областях

римской империи как материал для производства драгоценностей, украшений, защитительных, здравоохранительных амулетов и талисманов.

Чтобы посвятить себя спокойно своей работе и предупредить ограбление своих торговых караванов, моравские кельты платили дани своим соседям и другим племенам, через территории которых их караваны проходили.

Из Географического путеводителя Птолемея мы узнаем, что по территории моравских кельтов проходили два главных торговых пути, соединявших римские подунайские провинции с побережьем Балтийского моря, а именно т. наз. янтарный путь, который выходил из римского лагеря Карнунтум на Дунае и вел через восточную Моравию в кельтский Эбурудунум (в окрестностях г. Угерски Брод?), где соединялся с путем из Бригетиума — Келемантия, вел потом по двум направлениям через Каррудунум (Гостын?) и Сетовию (Котоуч у Штрамберка) в верховья Одры и оттуда через Калисию (Калиш) к устью Вислы.

Второй торговый путь выходил из древней кельтской Виндобоны (Вены), имел первую остановку на территории нынешней Моравии в Феликии (Мушов) и продолжался далее на север через Мелиодунум (Градиско у Обржан?, Шпильберк?) и Стревинту или Стревинтию (село на „Нивах“ близ г. Скалице, недалеко брода через реку Свитуву или как-то другие расположенные далее на север поселки в области Мала Гана: Судиле, Вановице, Велке Опатовице, Евичко, Хорнице?) к средней Одре и по территории за ней к дельтовидному устью Одры.

Кроме этих главных международных путей в Моравии, конечно, было множество соединительных путей между отдельными кельтскими поселениями и рынками.

Мы не имеем точных данных, каким образом торговые караваны переправляли товар. Разъезженные колеи в Старом Градиске свидетельствуют, что в употреблении были повозки и двуколки, но пока еще нельзя судить, пользовались ли ими также на дальних торговых поездках. Ввиду того, что вследствие опасности караван должен был быть подвижным и способным развивать большую скорость, я считаю более правдоподобным, что в таких случаях пользовались прежде всего лошадьми и вьючными животными.

Что касается людей, провожавших торговые караваны, является правдоподобным, что кельты — также как и в промышленном производстве и ремесленных мастерских — держали на службе не только своих свободных соплеменников, но и людей полусвободных и рабов.

Таким образом мы подходим к общественному расслоению населения. Согласно сообщениям Цезара о галлах, относящимся и к нашим волкам, пришедшим из древней Галлии, главное значение имели две группы, именно военная знать-всадники (рыцари в средневековом значении) и жреческая каста друидов. Остальные свободные люди не имели в общественной жизни почти никакого значения, не приглашались на общественные совещания и их жизнь почти не отличалась от жизни рабов. Если дани (Tributa) были слишком высоки и притеснение от более сильных невыносимо, то они добровольно принимали рабство у знати, чтобы найти у нее защиту. Судьба рабов была у кельтов такой же печальной как и у римлян и в римской империи вообще. Раб был просто mancipium, бесправное имущество своего господина подобно скоту или другим предметам, принадлежавшим господину.

Привилегированная военная знать понесла большой урон из-за частых походов в соседние и более отдаленные земли, так что ее оставшиеся в живых члены отказались от них и уже в позднекельтское время, подобно другим свободным членам, посвятили себя торговле и промышленному производству, от которого без труда богатели, так как всю работу за них исполняли рабы и полусвободные люди.

О жизни и занятиях германского населения в Моравии, пока оно сосуществовало с кельтами в их поселениях или в близком соседстве с ними, у нас нет никаких исторических известий, ни серьезных археологических материалов.

Что касается просачивания германского населения, приходившего маленькими группами и поступавшего на службу к богатым кельтам, кажется правдоподобным, что оно занималось прежде всего скотоводством и пастыбдой, далее земледельческими работами, и, может быть, также в некоторых отраслях ремесленного производства. Наряду со свободным населением этими работами занимались прежде всего рабы, покупаемые в более северных областях. С течением времени в древних кельтских поселениях и по соседству с ними оседало вероятно все возрастающее число германского

населения, не находившегося уже на службе у кельтов. Это население вело более или менее подобный простой образ жизни как в областях, из которых переселилось оно занимались прежде всего земледелием и скотоводством (частьбой скота). По берегам рек и их многочисленных притоков источником прокормления было также рыболовство и в лесистых областях охота за зверем и собирание лесных плодов.

Что касается ремесл, производимых домашним способом, обилием находок засвидетельствовано гончарное дело. Кроме того домашним способом исполнялись кузнечные работы, колесничество, плотничество, прядение и ткание материй, производство одежды и белья, молотьба и помол хлеба, печенье хлеба и т. п.

О социальном расслоении этих моравских германцев можно с уверенностью сказать лишь то, что оно не было так сложно как у кельтов. Это относится главным образом к начальному времени их просачивания в кельтскую территорию. Позднее, когда они уже овладели большими пространствами и жили в них независимо от кельтов, существовала и здесь та же обстановка, как и в других окрестных германских областях.

Славяне, постепенно оседавшие на кельтской территории в восточной Моравии, жили здесь вероятно в подобных отношениях как первые моравские германцы. Они поселялись в гористых областях как пастухи или вступали на службу к кельтам как земледельческие рабочие и пастухи скота. К ремеслам, которыми занимались эти славяне домашним способом, принадлежало без сомнения — как и у германцев — прежде всего гончарное дело, кузнечное дело, колесничество, плотничество прядение и ткание материй и полотна, молотьба и помол хлеба и т. п.

Они приходили большей частью как свободные люди. Конечно, наряду с ними в кельтских поселениях и в кельтских хозяйствах жили также полусвободные люди, прикрепленные к почве подобно колонам на римских латифундиях, и рабы, приводимые из более отдаленных славянских областей работорговцами.

Что касается памятников материальной культуры, я бы хотел в этом сжатом обзоре упомянуть по крайней мере о том, что имеет принципиальное значение для вопроса о продолжительности кельтской жизни в Моравии, для вопроса о датировке кельтских поселений, для решения вопроса кельты-германцы и т. д.

Наряду с пряжками это прежде всего кельтская и германская керамика, которая нам дает интересные справки как в положительном, так и в отрицательном смысле.

Я бы хотел обратить внимание прежде всего на давно отмеченный факт, что в Моравии имеется много кельтских памятников, относящихся к времени около рубежа летосчислений но ни одного совершенно бесспорного памятника, доказывающего наличие самостоятельного германского заселения. В этом отношении обстановка в Моравии коренным образом отличается от соседней Чехии. Этим мы также объясняем бросающееся в глаза обстоятельство, что напр. типичная германская пряжка с блестками первого в. н. э., так часто встречающаяся в Чехии и излюбленная в полабейной гермундурской области, совсем не встречается в до сих пор найденных и проверенных находках в Моравии.

Керамика, найденная в Старом Градиске и в других кельтских поселениях в Моравии, находится в прямой связи по характеру, производству и украшениям с керамикой среднелатенских могил с костяками, и поэтому является одним из главных доказательств непрерывного заселения Моравии тем же племенем кельтских волков, оставивших нам могилы с костяками среднелатенского времени вплоть до позднелатенского времени. Для датировки продолжительности заселения отдельных кельтских поселений из кельтской керамики имеет самое большое значение прежде всего типичная керамика йржижковицкая из IV века н. э. и потом два вида типично кельтских сосудов: миски с кольцевидным остовом (нем. Ringschüsseln) II—III в. и сосуды с широким плоским венчиком, которые часто приобретали форму бочкообразных хранилиц (нем. Krausengefässe) 3—4 в. н. э.

Для решения вопроса, как долго продолжалось кельтское заселение Моравии, за отсутствием других вещественных доказательств, которые помогли бы точно установить даты, прежде всего пряжек, которые в кельтских находках позднейшего времени не встречаются, так как они повидимому, уже перестали быть частью кельтской одежды, прямо неоценимое значение имеет рукодельная германская керамика, происходящая из смешанных кельт-

ско-германских поселений и подражающая керамике кельтской. Большое число находок этой керамики больше чем достаточно свидетельствует о том, что имитированная кельтская керамика является современной имитирующей германской керамике, датированной при помощи других находок II, III и IV вв. н. э. Это одновременно является доказательством, что в эти времена в Моравии еще жили кельтские гончары, производившие эту подражательную керамику.

Изделия германских жез-гончаров подражают как старшей тонкой кельтской керамике с валикообразными круглыми краями, так и ее наружу отогнутым закругленным краем. Они также подражают формам выше упомянутых кельтских мисок с кольцевидным остовом и также кельтским сосудам с расширенными плоскими краями. Кроме этих форм сосудов предметом подражания стали также кельтские ситулы из графитной глины с закругленным, наружу отогнутым и как крыша ниспадающим краем и с остовом, покрытым горизонтальными желобками.

Что касается комплектов находок, то иногда достаточным доказательством для датировки кельтских находок является и другая типично германская рукодельная керамика 2—4 стол. н. э.

Из импортированной чужеземной керамики иногда может послужить для датировки также *terra sigillata* из прирейнских мастерских.

То же самое относится и к находкам римских монет, которые иногда важны для решения вопроса, как долго были населены кельтские поселения, в которых эти монеты были обнаружены. Эти монеты являются часто доказательством для пользования старыми торговыми путями (напр. путем из Виндобоны через Феликию, Мелиодунум и Стривиянту в Клодзко и к средней Одре и т. д., путем из Карнунтума в Эбуродунум и далее к верховьям Одры), для датировки германских могил, содержание которых нам опять помогает датировать производство кельтской керамики и т. д.

С точки зрения археологии заселения кельтские монеты имеют значение также потому, что наряду с кельтской керамикой доказывают кельтское происхождение ряда поселений, в определении этнической принадлежности которых бы могли возникнуть сомнения, так как в них встречается также германская керамика. Что касается этнического происхождения кельтских монет в Моравии, определил его правильно уже форрер, обозначивший эти монеты как котинские. Так как котины античных авторов были потомками герцинских волков-тектосагов, то принадлежность моравских монет надо приписать этим волкам, точно также как и кельтские монеты в средней и северной Чехии.

Из других находок я бы хотел еще упомянуть о наличии стило, металлических или костяных палочек как доказательстве о высшем уровне образования наших кельтов. Каким письмом писали моравские кельты, находками не засвидетельствовано. Цезарь (BГ. VI. 14) оставил нам известие, что галльские друиды пользуются греческим письмом. Ввиду постоянных культурных и других связей наших волков с их галльской прародиной, мы бы могли предполагать то же самое и у нас. С другой стороны близость римского Подунавья и готовность, с какой кельты в этих областях принимали римскую культуру, делает более правдоподобным взгляд, что оба эти фактора с течением времени приблизили латинский язык и латинское письмо нашим моравским кельтам, бывшим с римскими приднубайскими провинциями в живых торговых сношениях. Знакомство с письмом не было у наших кельтов общим, но правдоподобно ограничивалось узким кругом людей, прежде всего друидов, далее торговцев и других членов племени, пришедших в близкие отношения с римской культурой и научившихся из практических соображений или благодаря врожденным способностям латинскому письму или, по крайней мере, знакам для римских цифр.

О физическом типе последних кельтов в Моравии мы располагаем очень скудными данными. Прямых исторических сообщений о них не имеется и их обычной сжигать своих мертвецов лишил нас важнейшего свидетельства, которое бы могли дать соматические останки в могилах с костяками. В этом отношении мы должны довольствоваться лишь сообщениями античных писателей о галлах, с которыми были наши волки в близком родстве. О галлах говорит ряд писателей — Цезарь, Страбон, Диодор, Вергилий, Силий, Италик, Амиан Марцеллин — что они были высокого роста, светлокожие, у них были голубые глаза и русые волосы. Мы, конечно, не знаем, какое влияние оказало на наших волков смешение с древним

покоренным ими населением, но ввиду того, что большая часть этого населения, повидимому, происходила от людей полей погребений т. наз. лужицко-силезийских, смешение которых с германскими пришельцами в более северной области между средней Эльбой и Одрой вело к возникновению германских свесов, ставших в глазах античных авторов представителями германцев в интересующее нас время, и которые были также высокого роста и светложие, мы можем заключить, что старые индоевропейские люди полей погребений (т. е. исконные индоевропейские свесы) были того же телосложения как галлы и германцы и что их смешение с моравскими волками не вело ни к каким большим изменениям в физическом типе их потомков.

Это относится прежде всего к кельтам, осевшим в общем в северной половине Моравии. В южной части Моравии волки смешались с людьми т. наз. гораковской культуры, на развитие которых существенное влияние оказало наследство людей придунайской области могильников. От этих людей, повидимому, моравские кельты унаследовали темный тип (каштановые волосы, карие глаза), который от них перешел смешением и на германских и славянских пришельцев.

Исторические данные о высоком росте кельтов подтверждают также результаты исследований в наших погребениях с латенскими могилами с костяками и ту же картину дают также находки в кельтских могилах бывшей северовосточной Галлии, откуда кельтские волки переселились в наши области.

Мы должны довольствоваться также суждениями по аналогии в вопросе о религиозном культе и обрядах моравских волков. Наше положение опять облегчает то обстоятельство, что мы имеем дело с потомками волков переселившихся из Галлии и принесших с собою в наши земли религиозные представления обычные в Галлии. Поэтому можно к ним применить то, что пишет Цезарь о галлах вообще. Религию галлов создала жреческая каста друидов, которая оказывала влияние на жизнь не только в Галлии, но и в землях, в которые кельты переселились. Друиды были посредниками между богом и людьми, определяли содержание и форму культа отдельных божеств, приносили публичные и частные жертвы, были признанными судьями во всех частных и общественных спорах и оказывали решающее влияние на воспитание молодежи.

Свое религиозное учение они окружили нимбом таинственности. Поэтому они отказывались о нем писать и их ученики должны были изучать его наизусть. Цезарь (БГ. VI. 14, 17) приводит из их учения кроме науки о бессмертных богах и их власти прежде всего науку о человеческой душе и ее переселении. Согласно учению друидов душа не гибнет с телесной смертью людей, но переселяется в других людей.

Божества, почитаемые галлами, Цезарь приводит на основании их культа и дает им согласно своей римской интерпретации аналогичные названия богов из римской мифологии. Он рассказывает, что галлы больше всего почитали Меркурия, которого считают основателем всех искусств, защитником путей и самым мощным покровителем торговли и приобретенных денег. Ему было посвящено больше всего идолов. Наряду с ним галлы почитали по Цезарю прежде всего Аполлона и Марса, Юпитера и Минерву. Аполлон (кельтский Граннус) согласно их учению умел лечить и защищал от болезней. Минерва была покровительница искусств и ремесл, Юпитера почитали как бога богов и Марса как бога войны.

Кроме этих богов кельты почитали еще ряд других богов и сверхестественных существ, как напр. Сирана, богиня врачевания и покровительница теплых источников, Висуна (Весуна), также богиня врачевания, Висудцус и Теутатес боги аналогичные римскому Меркурию, Росмерта, часто спутница Теутатеса, Эпона, покровительница коней, Гернуннос, древнекельтский бог, изображенный на гундеструпском жертвенном котле в сидячем положении с скрещенными ногами и с венцом из оленьих рогов, держащий в руках змею, Сулевиа и другие *matres* или *матроны*, покровительницы материнства, нимфы источников Недуна, Веркана и др.

Как велико было значение жреческой касты друидов и влияние их учения, — красноречивым доказательством этого было также радикальное изменение погребального обряда, которое произошло во всем кельтском мире. Новое учение друидов о переселении душ умерших в других живых людей было причиной, что кельты утратили веру в дальнейшую посмертную жизнь усопших. Безжизненные трупы, души которых перешли в других людей, перестали быть под влиянием этого учения друидов предметом дальнейшего почитания и стали скорее предметом суеверного

страха. Поэтому их (по истечении известной переходной стадии) не хоронили с прежним уважением в землю с богатыми пожертвованиями, но просто их уничтожали огнем и настолько основательно, что это производили в закрытых печах с высоким жаром. Их пепел, как никуда негодный, рассеивали, разбрасывали в воздух или в текучие воды или его сыпали в простые мелкие ямки в земле без жертвований или лишь с несколькими символическими черепками, которые были только доказательством консервативности человеческих обычаев, и иногда также доказательством суеверной боязни, от которой родственники умершего не могли избавиться, несмотря на все поучения друидов.

Это было состояние, с которым в интересующее нас время мы встречаемся в Моравии. Уже в начале мы видим, что кельтское население изменило свой древний обряд захоронения мертвых с их оружием или с драгоценностями и другими жертвованиями в могилах глубоко в земле и переходило к сожжению мертвецов. Это изменение похоронного обряда было причиной, что через непродолжительное время внезапно исчезают признаки всего многочисленного кельтского населения, о котором так красноречиво свидетельствуют могилы с костяками и трупосожжением древних времен. И все же мы имеем именно в Моравии в поселениях много доказательств этого, что кельтское население здесь жило точно так, как и в галльской прародине еще несколько столетий . . .

Постепенное исчезновение этих доказательств в поселениях свидетельствует о том, что это позднее кельтское население шло навстречу своей гибели. Первое бедствие их постигло во время т. наз. маркоманнских войн во второй половине II века н. э., когда котины нарушили обещание, данное Марку Аврелию, что они ему помогут в битве против своих соседей маркоманнов и когда по словам римского историка Диона они „ужасно оскорбили“ посла Марка Таррутения Патерна, пришедшего напомнить им их обещание. *Kai metà taúta áplólonto* — „и потом погибли“. Этими несколькими словами заключает Дион их историю.

Карательная экспедиция, которую против них послал Марк Аврелий, не выполнила свое задание, определенное словами Диона. Археологические находки из ряда кельтских, кельто-германских и, может быть, чисто германских поселений и германских могильников доказывают, что оставшиеся волки-котины удержались в Моравии вплоть до IV стол., когда, кажется, они постепенно исчезли в приливе германских и славянских пришлецов. Их старое имя в о л к и существует в Моравии под именем славянских в а л а х о в до настоящего времени.